

УДК 327

Кузнецов А.М.

Безопасность человека

Human security

В статье рассматриваются общие положения, связанные с принятием и реализацией принципов безопасности человека, свободы от нужды и свободы от страха, ответственности защищать. Обсуждается также вопрос о значении данных норм для интеграции региона Восточной Азии.

Ключевые слова: *безопасность человека, свобода от нужды и свобода от страха, ответственность защищать, Организация объединенных наций*

Some problems of finding and implementing of principles of human security, freedom from want and freedom from fear, responsibility to protect are regarded in this paper. Issue of role of these norms for the process of East Asia region integration is discussed too.

Key words: *human security, freedom from want and freedom from fear, responsibility to protect, United Nations Organization*

Идея безопасности человека и ООН. Глобальные перемены, обусловленные окончанием холодной войны, вызвали к жизни новые реалии, которые повлекли за собой необходимость трансформации прежних представлений и установок в сфере мировой политики и международных отношений. В 1990-е гг. международное сообщество столкнулось с резким увеличением числа конфликтов и их более ожесточенным характером. Некоторая «ригидность» ранее сложившихся институтов сохранения мира, не успевавших за быстро возникающими новшествами, стала причиной обрушившейся на них критики. Под ее прицелом оказалась и самая, казалось бы, авторитетная Организация Объединенных наций, которой пришлось срочно включать в повестку дня Совета Безопасности вопросы этнических конфликтов, геноцида и преступлений против человечности. Тем не менее, тезис об утрате ООН своего прежнего значения стал слишком часто звучать в разных политических и публицистических

КУЗНЕЦОВ Анатолий Михайлович, д.и.н., заведующий кафедрой социальной и политической антропологии Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток). **E-mail:** akuzn@vimo.dvgu.ru

Статья подготовлена при поддержке Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы». Проект 1840 «Нациестроительство, этнос и национализм в формировании многополярного мира: анализ ситуации в АТР»

заявлениях. Поэтому руководство Организации, вероятно, также было озабочено поиском новых концепций и направлений своей деятельности, способных вернуть ей прежний вес в решении международных проблем. Как полагают некоторые исследователи, отправной точкой начавшихся в ООН перемен можно рассматривать принятие Резолюции 688 (1991 г.) «О ситуации в Северном Ираке». Этот документ предусматривал перемещение части курдского населения в связи с угрозой его бомбардировок иракскими ВВС [17]. Свою роль в дальнейшем развитии событий сыграли столкновения в Сомали, распад Советского Союза и Союзной Югославии. В новых обстоятельствах, когда военные операции стали проводиться для спасения мирного населения, фактически, была расширена 34 статья Устава ООН. Абсолютность концепции суверенитета, закрепленной в статьях 2.1 и 2.3 Устава ООН, после этих событий также уже не осталась столь незыблемой. Теперь становилось все более очевидным, что прежняя озабоченность проблемами взаимодействием наций уходила в прошлое и о себе все более настойчиво заявляла о себе новая тенденция, которая уже получила определение как *«интернационализация понятия национальной безопасности»*. Данная тенденция получила выражение, в частности, в 1991-2000 гг. в *практике гуманитарных интервенций*. За указанный период было проведено 15 значительных акций подобного рода, в которых было задействовано около 38 тыс. солдат. Не случайно он получил определение «десятилетие гуманитарных интервенций» [12, р. 17-18]. Но вскоре обозначилось и еще одно направление трансформации представлений о безопасности.

В условиях недостаточной подготовленности к быстро разгоравшимся на разных континентах «новым войнам» (например, геноцид в Руанде 1994 г.), основная тяжесть разрешения этих конфликтов легла на Секретариат ООН. Примечательно, что именно этому органу и удалось определить новое направление – *безопасность человека*, которому было суждено занять важное место в деятельности всей организации. Само выражение *безопасность человека* впервые было озвучено в *Отчете о развитии человечества Программы развития Объединенных наций за 1994 г.* По некоторым же данным, этот термин был использован еще в 1993 г. в предыдущем Отчете о развитии человечества. В подготовке данного документа важную роль сыграл Амартия Сен – лауреат Нобелевской премии по экономике и глава Тринити колледжа (Кембридж) [19, р. 9]. Другие источники связывают его появление с пакистанским экономистом Махбубом уль-Хаком – Специальным советником Программы развития Объединенных наций [14]. Поскольку Отчет 1994 г. готовился Агентством по развитию ООН, то, вполне вероятно, что выражение, появившись в недрах аппарата организации, что называется, уже просто «витало в воздухе» и сегодня уже трудно установить, кому оно собственно принадлежит. Рассматриваемый документ, в частности, констатировал: «Мир никогда не сможет быть в мире до тех пор, пока у людей не будет безопасности в их повседневной жизни». Развитие человека в нем характеризовалось как «процесс расширения выбора для человека». Собственно безопасность человека здесь означала, что, во-первых, «люди могут осуществлять свой выбор безопасно и свободно и они также могут быть совершенно уверены в том, что возможности, которые у них есть сегодня, не будут утрачены завтра». Отчет затем продемонстрировал переход от узкого понимания концепта национальной безопасности к более общей ее трактовке, включающей семь основных составляющих: 1. экономическая безопасность (защита от бедности); 2. продовольственная безопасность (защита от голода); 3. медицинская безопасность (защита от болезней); 4. безопасность окружающей среды (прежде всего, доступность чистой воды); 5. персональная безопасность (защита от страха пе-

ред насилием, преступностью, наркотиками); 6. общественная безопасность (свобода участия в семейной жизни и культурной деятельности) и 7. политическая безопасность (свобода в обеспечении основных прав человека) [22].

Как позднее отмечали некоторые авторы, никто не ожидал, что публикация Отчета 1994 г. привлечет к новой идее такое внимание со стороны политиков и ученых [24, р. 7]. Ведь уже существовала Всеобщая декларация прав человека, принятая ООН в 1948 г. Кроме того, в своей деятельности ООН больше ориентировалась на концепцию *развития*. Показательно, что на Саммите 1995 г. в Копенгагене идея безопасности человека не имела особого резонанса, так как многие страны считали ее неприемлемой для себя. Однако ряд последовавших событий, среди которых чаще всего называют Азиатский финансовый кризис 1997 г., эпидемию атипичной пневмонии 1999 г. и т.д., потребовали для борьбы с нею консолидации усилий разных стран. Новые обстоятельства позволили переломить ситуацию в пользу идеи безопасности человека. Значительную роль в этом процессе сыграла, прежде всего, Япония. Не случайно, в литературе по рассматриваемой теме довольно часто можно встретить утверждения такого рода: «Ни одно другое правительство не сделало так много, как правительство Японии, в превращении *безопасности человека в основное направление своей внешней политики*» [26, р. 3].

Конкретные варианты реализации принципа безопасности человека. У истока нового формата политики страны стоял министр иностранных дел, а затем и премьер-министр Кейзо Обучи. Находясь под впечатлением от тяжелых последствий для многих людей, вызванных финансовым кризисом 1997 г., этот политик выступил за проведение политики, *ориентированной на человека*. В мае 1998 г. во время своего визита в Сингапур в речи «О роли Японии в преодолении финансового кризиса» он призвал к защите *наиболее уязвимых сегментов населения*, используя выражение *ningen no anzen*, – *безопасность человека* [9]. По его же инициативе стали проводиться «Интеллектуальные диалоги о строительстве будущей Азии». Первый такой диалог состоялся в Токио 2-3 декабря 1998 г. на тему «Азиатский кризис и безопасность человека». В своем приветствии участникам встречи в Токио К. Обучи еще связывал безопасность человека с новой *стратегией экономического развития*. Но уже тогда он сказал: «Поскольку многие проблемы, затрагивающие безопасность человека, выходят за национальные границы, ни одна страна уже не в состоянии решать их самостоятельно... Я верю, мы должны сделать *21 столетие – веком безопасности человека*» [16]. Тема безопасности человека стала не только леймотивом его речи «К созданию блестящего будущего для Азии» в Ханое, но и других, состоявшихся Второго (12-13 июля 1999 г., Сингапур) и Третьего (18-19 июня 2000 г., Бангкок) Интеллектуальных диалогов. Об изменении первичной трактовки термина безопасности человека можно судить по документам встречи в Бангкоке. В них было, например, указано: «безопасность человека является *многоуровневым явлением*, в котором содержится *много измерений* и оно требует *кросссекторального взаимодействия местных и национальных правительств, международных организаций и институтов гражданского общества*... Необходимо также выработать *общие представления* о безопасности человека как инструмента разработки и внедрения политики» [26].

Важным результатом предпринятых японским правительством усилий стало также создание в марте 1999 г. совместно с секретариатом ООН *Трастового фонда безопасности человека ООН*. Очень примечательно, что этот Фонд наряду с поддержкой жертв конфликтов, бежен-

цев своей задачей также ставил страхование от природных катастроф и неожиданных экономических кризисов, а также решение вопросов улучшения образования, особенно женского [23]. Как логическое завершение всей этой многосторонней деятельности можно рассматривать образование по инициативе правительства Японии (премьер-министр Ёсихиро Мори), Японского центра международных обменов, при поддержке Фонда Рокфеллера, Мирового банка развития и правительства Швеции *Комиссия по безопасности человека*. Заслуживает отдельного упоминания тот факт, что Комиссия была официально создана на Саммите Тысячелетия Объединенных наций в 2000 г. и начала свою работу в январе 2001 г. Новый орган возглавили Садако Огата – в прошлом Верховный комиссар ООН по делам беженцев и уже упоминавшийся Амартия Сен. Среди целей Комиссии было обозначено проведение исследований безопасности человека в условиях конфликта и насилия, соединение концепций безопасности человека и развития и продвижение интегративного подхода к проблемам безопасности [15].

В целом Япония демонстрирует *широкий подход* к безопасности человека, он предполагает использование только *невоенных* методов и средств и человеко-центрированный характер этой политики. Представляется вполне естественным, что для страны, пережившей ядерную бомбардировку, а теперь еще и масштабную природную и техногенную катастрофы безопасность человека означает ставку только *мягкую силу*, но не на такие акции, как возглавляемая США операция по обеспечению глобальной безопасности.

Среди активных адептов принципа безопасности человека следует отметить еще *Канаду*. В период «золотой эры канадской дипломатии», отмеченной, в частности, успехом миссии Л. Пирсона в урегулировании Суэцкого кризиса, стало формироваться самовосприятие страны как «гаранта мира, щедрого донора, храброго солдата и честного брокера». Не случайно, возникший сначала в сфере книжной индустрии слоган – «... мир нуждается в Канаде», со временем приобрел более широкое значение, повлекшее за собой определенные обязательства. Но в отличие от моноэтничной Японии, эта страна не смогла решить проблему Квебека и оставалась разделенной на основные общности: англоканадскую и франкоканадскую. Распад Советского Союза и Союзной Югославии продемонстрировал со всей определенностью возможную перспективу и для Канадской федерации, о чем недвусмысленно заявил переживаемый страной в начале 1990-х годов «кризис идентичности». В подобных условиях Канада не могла позволить себе «роскошь» сосредоточиться в значительной степени лишь на своей внешней политике. Стране нужен был такой курс, который позволял бы решить ее основные политические проблемы: сохранить достойное место в мире, обеспечить нормальное взаимодействие с могущественным южным соседом и содействовать укреплению своей национальной идентичности. Появившаяся идея безопасности человека в полной мере соответствовала, как указанным требованиям, так и сформировавшимся после второй мировой войны представлениям о роли страны в мире. Поэтому уже в середине 1990-х гг., когда внешнеполитическое ведомство возглавил Л. Экскуорти (Axworthy), ставка была сделана на эту идею [6, р. 1-2]. Страна вместе с Норвегией активно участвовала в создании *специальной Сети безопасности человека*, включающей 12 государств, являющихся ее полными членами Австрия, Канада, Чили, Коста Рика, Греция, Ирландия, Иордан, Мали, Норвегия, Словения, Швейцария и Таиланд. Южная Африка вошла тогда в Сеть в качестве наблюдателя [15]. В стране также был создан ряд специальных органов, в частности, в декабре 2001 г. *Канадский консорциум по безопасности человека* [21]. Однако политика безопасности человека

по версии Л. Экскуорти отличается от варианта, заложенного К. Обучи, более *узким* подходом к ее трактовке. Кроме того, Канада поддерживала в своих рамках идею гуманитарных интервенций, таких, как бомбардировки Югославии в 1999 г., неприемлемую для Японии, которая, что очень показательно, даже не вошла в специализированную Сеть.

Дальнейшее развитие идеи безопасности человека. Несмотря на то обстоятельство, что такие ведущие державы, как Китай, Россия, США не приняли норму безопасности человека, очевидно, поддержка со стороны ряда других государств позволила Секретариату Организации Объединенных наций продолжить ее разработку. Тем более, что приближалось знаковое событие – намеченный на сентябрь 2000 г. Саммит Тысячелетия, который давал хорошую возможность представить эту идею наиболее благоприятным образом. О заинтересованности руководства ООН и самого Кофи Аннана в дальнейшем продвижении нормы безопасности человека свидетельствует и предварительное ее обсуждение на международном семинаре 8-10 мая 2000 г. в Улан-Баторе [4; 18]. Затем уже в Нью-Йорке в сентябре данная норма становится значимой темой и в докладе Генерального секретаря ООН, и в ключевом документе Саммита Тысячелетия «Мы народы. Роль объединенных наций в XXI веке». Отныне безопасность человека означала ориентированный на человека подход к безопасности: «*Безопасность человека* в своем самом широком выражении значит гораздо больше, чем просто устранение насильственных конфликтов. Она включает в себя: права человека, хорошее управление, доступность образования и здравоохранения и гарантии, что каждый индивид имеет возможность и выбор для реализации своих возможностей. Любой шаг в этом направлении означает также продвижение в борьбе с бедностью, достижение экономического процветания и предотвращения конфликтов. *Свобода от нужды и свобода от страха* и возможность для будущих поколений унаследовать здоровую естественную среду – все это взаимосвязанные составные блоки человеческой, а, следовательно, и национальной безопасности» [9; 17].

Выдвинутое здесь положение – «*свобода от нужды и свобода от страха*» сразу получило достаточно широкий резонанс у международной общественности. Однако именно оно определило последующие различия в его реализации в разных странах. По оценкам ряда обозревателей, в Канаде в силу, в том числе и указанных причин, основной акцент был сделан на идею «свободы от страха». Япония же отстаивала необходимость реализации предложенной формулы в полном ее варианте [6]. Разногласия подобного рода указывали на то, что, несмотря на кажущуюся очевидной значимость и привлекательность самой нормы безопасности человека и заложенных в нее идей. Они на самом деле допускали возможность различных их интерпретаций. Однако безопасность человека отныне получила свое место в международной повестке дня и стала предметом активных обсуждений. Одни авторы связывали необходимость внедрения этой нормы с появлением новых угроз, неизвестных в то время, когда создавалась ООН и неэффективностью деятельности Комиссии по правам человека [9]. Других же больше интересовала преемственность предложенных на Саммите положений с некоторыми идеями президента Ф. Рузвельта (жить свободно от страха), получившими воплощение, в том числе, и в Атлантической хартии, разработанной им совместно с У. Черчиллем. Появление человеческого фактора в документах ООН связывалось с необходимостью перехода от защиты *экономических и социальных прав человека* к собственно *гражданским и политическим* [19]. Достаточно популярным в академических кругах становился и сюжет о «загадочном возвращении индивида в мировую политику» [2].

Достигнутый на Саммите Тысячелетия результат с признанием безопасности человека получил затем дальнейшее развитие в деятельности специализированных органов ООН. Наряду с уже указанными можно отметить еще и создание *Консультативного правления по безопасности человека*, первое заседание которого состоялось в сентябре 2003 г. Вскоре в аппарате Организации была генерирована новая значимая идея. В принятом в 2001 г. *Отчете Международной комиссии по вопросам интервенции и государственного суверенитета* ответственность за защиту своих граждан еще традиционно возлагалась на государство. Но документ уже предполагал возможность *помощи* со стороны *международного* сообщества государствам для выполнения своих обязательств. Последнее положение по начальному замыслу разрабатывалось для решения африканских проблем, но затем было решено придать ему более широкое значение. Поэтому в октябре 2005 г. оно уже вошло в официальный документ Генеральной ассамблеи ООН. Этот документ примечателен уже тем, что в нем целый параграф (143) был отведен вопросам безопасности человека. Здесь констатировались вполне «привычные» права человека жить свободно и с достоинством, быть свободным от бедности и отчаяния»; «право на свободу от нужды и свободу от страха с равными возможностями пользоваться всеми правами и возможностью всесторонне развивать свой человеческий потенциал». Но в рассматриваемом документе был зафиксирован и новый, достаточно противоречивый принцип реализации безопасности человека – *ответственности защищать*. Теперь «ответственность защищать» означала, что в соответствии с главами VI и VII Устава Объединенных наций, международное сообщество через ООН также несет ответственность за защиту населения от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности. Хотя в тексте оговаривалось, что речь идет об использовании адекватных дипломатических, гуманитарных и *других мирных средств* и лишь в том случае, если само государство не справляется с этими задачами, было вполне очевидно, какие новые возможности для вмешательства в дела суверенных государств он открывал» [8; 9, 81; 10]. Несмотря на развернувшиеся дебаты вокруг нового принципа и границ его применения, он стал активно внедряться в практику. Перемены, произошедшие в руководстве ООН, также не оказали особого влияния на ранее выбранные приоритеты. Так по инициативе Японии в октябре 2006, ноябре 2007 и апреле 2008 гг. были проведены *Форумы друзей безопасности человека*, собравшие представителей примерно 60 государств, на которых в роли сопредседателя выступила Мексика. Кроме того, в феврале 2008 г. был создан *Глобальный центр по ответственности за защиту*. А в Отчете Генерального секретаря ООН за 2009 г. уже рекомендовалось: принцип «*ответственности защищать* должен быть включен в каждую культуру и каждое общество без всяких сомнений и условий, как воплощение не только *глобальных*, но и *локальных ценностей и стандартов*» [11; 17].

Однако еще нельзя безоговорочно утверждать, что очень привлекательные своим гуманным характером принципы *безопасности человека, свободы от нужды и свободы от страха, ответственности защищать* стали уже реальной основой мировой политики в сфере безопасности. Разные специалисты сразу высказали опасение: «сможет ли безопасность человека *посягнуть* на или даже *вытеснить* «национальную безопасность» как ключевой концепт международных отношений, учитывая, что большинство угроз человеку является результатом *структурных факторов*, в том числе, распределения власти, которые далеки от влияния индивидов». Другие задавались вопросом: «является ли безопасность человека *законным обоснованием применения силы под*

вывеской «гуманитарной интервенции» [9]. А поскольку некоторые авторы пошли так далеко, что вообще связали развитие идеи безопасности человека с *чувством безопасности на улицах* и возможностью влиять на принятие политических решений, то пока еще трудно рассчитывать на всеобщее признание таких норм [12, p. 183]. Очень показательным является также тот факт, что за исключением Японии, среди горячих сторонников идей безопасности человека мы видим только средние или небольшие страны.

Понятно, почему в их числе нет ведущих государств мира. США после событий 9/11/ 2001, объявило войну «мировому терроризму» и, неся бремя присутствия в Афганистане и Ираке, не может взять на себя такие обязательства. Россия, Китай и Индия из-за проблем внутреннего сепаратизма также не поддерживают все эти начинания. Вообще в ситуации, когда мир так и не смог прийти к общему мнению, кто должен считаться террористом, то остается не вполне очевидным кого же следует защищать. Поэтому не вызывает особого удивления другое обстоятельство: до последнего времени *термина безопасности человека нет ни в одной резолюции Совета безопасности ООН [13, p.10].* Практика же последних лет наглядно показала, что гуманные инициативы ООН вполне можно обойти, опираясь на другие международные организации, то же НАТО. Так что, в ближайшее время, как показывает развитие событий вокруг кризиса в Ливии, трудно ожидать кардинальных перемен с признанием принципа безопасности человека.

Н. МакФеризн и Хонг, специально рассматривавшие вопрос о роли ООН в генерировании и продвижении ориентированных на человека принципов этой организации, в свою очередь, приходят к достаточно реалистичному заключению: «В функциональном смысле мы рассматриваем *деятельность ООН в сфере безопасности человека как хороший пример бифуркативных качеств этого института.* С одной стороны, он является организацией государств и служит, как бы, сосудом, в котором они могут достигать консенсуса и легитимизировать свои политические предпочтения. С другой стороны, он представляет собой *бюрократию (или комплекс бюрократий) со своей собственной корпоративной персонализацией, предпочтениями и ресурсами для продвижения определенных идей...» [13, p. 5].* Говоря другими словами, сегодня, когда еще не преодолено взаимное недоверие между государствами и существует различие между интересами отдельных государств и международными организациями, сохраняется возможность отследить за самыми «благими» и гуманными призывами вполне ограниченные цели конкретных стран, правительств и корпораций. Поэтому авторы считают, что следует заняться более серьезной верификацией уже предложенных концептов, а не просто внедрять новую терминологию. Они также обращают внимание на открытый характер проблемы *ценностей и идентичностей индивидов, которых мы собираемся защищать.* Какую идентичность: самого индивида, или индивида как члена определенной группы? [13, p. 13]

Безопасность человека и проблема интеграции в Восточной Азии. Не менее показательна ситуация с признанием идей, связанных с безопасностью человека в Восточной и других частях Азии. С одной стороны, одна из наиболее влиятельных здесь международных организаций АТЭС на своем Саммите 2003 г. в Бангкоке приняла специальную декларацию «Повышать безопасность человека». В ней, в частности, провозглашалось: «мы солидарны направлять усилия АТЭС не только на содействие процветанию нашей экономики, но также и на связанную с ней миссию обеспечения безопасности людей» [9, p. 184]. Но с другой стороны, как показал П. Эванс, для большинства стран регио-

на «идея, согласно которой внешние силы могут защищать их граждан более эффективно... кажется неприемлемой в свете итогов корейской и вьетнамской войн и более близких к нам устремлений возглавляемой США коалиции по нациестроительству в Ираке» [cit. on 9, p. 170-171]. Не случайно, активность Японии на данном направлении может рассматриваться другими авторами и как *средство влияния и определения своей независимой идентичности в сложной международной системе в условиях ограниченных возможностей*, обусловленных мирным характером ее конституции.

Однако последовавшие затем новые катастрофические события (цунами 2004 г., мощные землетрясения 2005 г. в Пакистане, 2008 г. в Китае, а теперь и в Японии) вновь показали необходимость объединения усилий отдельных стран для преодоления их последствий. Тем более, что, как отметили специалисты: «По иронии судьбы этот наиболее милитаризованный регион имеет ограниченные возможности противостоять всем этим угрозам» [9, p.172]. Значимость принципа безопасности человека принял Таиланд, в последнее время с инициативой превратить *АТР в регион беспрецедентного сотрудничества в сфере безопасности человека* выступила Малайзия. Но пока исследователи констатируют все же маргинальное значение этого принципа для региона в сравнении с традиционными угрозами безопасности. Показательной в этом отношении является позиция Китая. Она тоже несколько меняется, так как руководство страны высказалось за расширение регионального сотрудничества и готовность обсуждать нетрадиционные аспекты безопасности. Однако по поводу безопасности человека, а тем более положения об ответственности защищать здесь преобладают оценки, согласно которым – это только повод для вмешательства в дела других государств. Появились также утверждения о несоответствии подобных принципов основным постулатам конфуцианства. По-китайски очень емко и образно свою оценку существования проблемы высказал директор Института мировой экономики и политики АОН Китая Ван Ичжоу: «... можно утверждать, что безопасность человека и социальная безопасность являются основами для национальной безопасности... [но] сводить национальную безопасность к пространству безопасности человека и социальной безопасности – то же самое, что обращать внимание на симптомы, а не на причины самой проблемы» [cit. on 9, p. 182-183].

Поскольку между Японией и Китаем сохраняется определенное напряжение в отношениях, то оно, вероятнее всего, сказывается на отношении последнего к ориентированному на человека восприятию безопасности. Да и в целом Восточная Азия, характеризующаяся преобладанием двусторонних отношений между государствами, пока не может быть примером хорошо поставленной региональной интеграции. В этой ситуации японская сторона сделала верную расстановку акцентов, связав *человеческое измерение развития с интересами транснациональной общности*. На основе этой посылки был сделан вывод, что принцип безопасности человека является вариантом *мультилатерализма* и может служить важным средством региональной консолидации, основанной на международном праве [26, p. IX]. Своей стране японские исследователи готовы отводить достаточно скромную, на первый взгляд, роль в этих процессах: «Скорее это было ощущение, что безопасность человека является той областью, в которую Япония может внести наибольший вклад для международного сообщества, как основная сила, которую можно охарактеризовать «как глобальную гражданскую силу» [26, p. 6]. Они признают – перспектива формирования Восточноазиатского сообщества открывает для «Страны восходящего солнца» новые возможности. Но эти же авторы стараются показать, что стремление Японии к

новому положению не связано с продвижением узко национальных интересов. Все дело, по их мнению, заключается в том, «...что большинство глав государств и народов региона искренне хотели бы, чтобы Япония оставалась конструктивной силой в регионе, активно проявляя себя как гражданская сила...» [26, p. 17]. Но сможет ли принцип безопасности человека, а не те же конфуцианские ценности стать основой восточноазиатского регионализма покажет будущее.

Таким образом, буквально, что называется, на наших глазах одно из многих положений Отчетного доклада 1994 г. в течение достаточно короткого промежутка времени дало толчок новому направлению деятельности ООН и стало приоритетом внешней политики ряда стран. Это произошло, несмотря на то, что, в принципе, сама идея безопасности человека не так уж и нова. Здесь уместно будет вспомнить, например, идею *вечного мира*, предложенную в 1795 г. И. Кантом. Известный американский антрополог Л. Уайт более «приземлено» высказывался по этому поводу: «Человек является одним из животных и, как все другие живые существа, он стремится к выживанию: путем приспособления себя к своей среде обитания, установления некоего контроля над окружающей средой, чтобы можно было бы сделать жизнь безопасной...» [25, p. 110]. Можно привести и еще другие высказывания подобного рода. Однако все дело в том, что только реалии, проявившие себя в 1990-е гг., позволили наконец-то признать именно человека *ответственным субъектом сохранения безопасности*. В результате произошло расширение содержания традиционного концепта безопасности за счет включения в него нового измерения – *безопасности человека*. Появлений разного рода институций, ответственных за поддержание нового принципа международной деятельности, и проведение различных мероприятий по данной теме закрепили нормы безопасности человека, свободы от нужды и свободы от страха, а также ответственности защищать в современной повестке дня политиков. Они обрели и академическую респектабельность, так как ведущие специалисты в области международных отношений сочли достойным для себя высказаться по указанным поводам [7]. Можно согласиться с выводом МакФеризна и Хонга о состоявшемся дискурсе безопасности человека, который включает в себя два основных измерения: отказ от традиционного фокуса на государство в вопросах безопасности и новый подход в отношении угроз индивидам [13].

Однако другие факты, в том числе, неготовность большинства государств принять для себя новые принципы в сфере безопасности, противоречия между сторонниками таких принципов как именно их реализация, показывают, что идея безопасности человека и связанные с ней другие положения еще нуждаются в более содержательном исследовании. Но хотелось бы обратить внимание тех, кто готов, засучив рукава, сразу приступать к решению этой задачи, на то обстоятельство, что в данном случае, когда мы имеем дело с проблемами человека, мы выходим в новую исследовательскую область, которая получила определение как *антропология международных отношений*. Именно многообразие и разнородность проявлений пресловутого «человеческого фактора» создавали и будут создавать препятствия на пути всякого рода «универсалистских», «общечеловеческих» идей и практик. Поэтому основная проблема безопасности человека и других, близких к ней норм заключается в том, чтобы их приняли очень разные по своим характеристикам и установкам политические, научные и другие сообщества. Сделать это только на одних политических, правовых и экономических основаниях, как показывает опыт, уже нельзя. Для решения подобных задач требуется и антропологическая компетентность. Российская наука пока не очень озабочена «человеческим измерением» мировой политики [1; 3].

Рекомендации ученых других стран: «...политика безопасности человека 1) должна быть свободна от идеологического содержания. Это требование относится и к «азиатским ценностям», Азиатско-тихоокеанскому партнерству во имя демократии и др; 2) отказаться от лжи, случающейся в государственной и национальной практике «во имя императива национальной безопасности»; 3) понятия «угроза» и «активное сотрудничество» должны рассматриваться с позиции безопасности государства и безопасности человека – вроде бы, и верные, но не всегда пока реализуемые [9]. Но наша обострившаяся реальность уже настоятельно требует после первого шага – постановки на обсуждение идеи безопасности человека – сделать и другой: использовать адекватные ей, в том числе и антропологические, средства исследования.

Литература

1. Глобализация: человеческое измерение. Учебное пособие. М.: РОССПЭН, 2002.
2. Индивиды в международной политике. Перевод с французского. М.: Международная педагогическая академия, 1996.
3. Михеев В.В. Хомо-интернэшнл. Теория общественного развития и международной безопасности в свете потребностей и интересов личности. М.: Институт Дальнего Востока, 1999.
4. Advisory Board on Human Security. Электронный ресурс. URL: <http://ochaonline.un.org> [Дата обращения: 30.03.2011]
5. Annan Kofi. Secretary-General Salutes International Workshop on Human Security in Mongolia". Two-day Session in Ulan-Bator, May 8-10, 2000. Press Release SG/SM/7382. Электронный ресурс. URL: <http://www.un.org/News/Press/docs/2000/20000508.sgsm7382.doc.html> [Дата обращения: 10.04. 2011]
6. Asia-Pacific Centre for the Responsibility to Protect. Japan and Republic Korea on the Responsibility to Protect. 10 October 2008. Электронный ресурс. URL: <http://www.responsibilitytoprotect.org> [Дата обращения: 16.03.2011]
7. Bosold D. The Politics of Self-righteousness: Canada's Foreign Policy and 'the Human Security' Agenda. P. 1-17 Электронный ресурс. URL: <http://turin.sgir.eu> [Дата обращения: 26.04.2011]
8. Buzan B. 'Human security: What it means and what it entails', paper presented at the 14th Asia-Pacific Roundtable, Kuala Lumpur, 3-7 June 2000, pp. 1-15.
9. Development Report 2005: International Cooperation at a Crossroads – Aid, Trade and Security in an Unequal World (New York: UNDP, 2005) Chapters 1 and 2 and 4. Электронный ресурс. URL: <http://www.sd.undp.org/HDR/HDR05e.pdf>. [Дата обращения: 28.04.2011]
10. Fukushima A. and Tow W. Human security and global governance. Security Politics in the Asia-Pacific A Regional-Global Nexus? Edited by William T. Tow. Cambridge. Cambridge University Press. 2009. Pp. 167-187
11. Human security – now. Online of the Report of the Commission on Human Security Электронный ресурс. URL: <http://ochaonline.un.org> [Дата обращения: 20.03.2011]
12. Implementing the Responsibility to Protect. Asia-Pacific in the 2009 General Assembly Dialog. October 2009 Электронный ресурс. URL: <http://www.responsibilitytoprotect.org>. [Дата обращения: 9.04.2011]

13. Kaldor M. *Human Security*. Cambridge, Malden., Polity. 2007.
14. MacFarlane N., Yuen Foong Khong. *Human Security and the UN: a critical history*. Bloomington. Indiana University Press. 2006. 346 p.
15. Majidi M.R., Dehshiri. M. R. The Contribution of West Asia to the Concept of Human Security. Электронный ресурс. URL: <http://www.birjand.ac.ir/ichswa>. [Дата обращения: 14.04.2011]
16. Ogata S. Empowering People for Human Security. Payne Lecture. Stanford University, 28 May, 2003. Электронный ресурс. URL: <http://ochaonline.un.org> [Дата обращения: 1.03.2011]
17. Opening Remarks by Prime Minister Keizo Obuchi. The Asia Crisis: Meeting the Challenges to Human Security. An Intellectual Dialog on Building Asia's Tomorrow. Tokyo, Japan, December 2-3, 1998. Электронный ресурс. URL: <http://www.jcie.or.jp>. [Дата обращения: 30.03.2011]
18. Prantle J., Nakano R. Global Norm Diffusion in East Asia: how China and Japan Implemented the Responsibility to Protect. Center for Non-Traditional Security Studies. Working Papers. Series N 5. Singapore. January 2011. P. 1-18 Электронный ресурс. URL: www.irsis.edu.sg/nts [Дата обращения: 14.03.2011]
19. Secretary-General Salutes International Workshop on Human Security in Mongolia". Two-day Session in Ulan-Baatar, May 8-10, 2000. Press Release SG/SM/7382. Электронный ресурс. URL: <http://www.un.org/News/Press/docs/2000/20000508.sgs7382.doc.html> [Дата обращения: 1.04.2011]
20. Shinoda H. Chapter 1. The Concept of Human Security. Historical and Theoretical Implications. IPSHU English Research Report Series n 19. Conflict and Human Security: a Search for New Approaches of Peace-building (2004). P. 5-22. Электронный ресурс. URL: <http://www.hiroshima-u.ac.jp>. [Дата обращения: 27.03.2011]
21. Statement by Director-General Yukio Takasu at the International Conference on Human Security in a Globalized World. Ulan-Bator, 8 may, 2000. Электронный ресурс. URL: <http://www.cpdinda.org>. [Дата обращения: 22.03.2011]
22. The Canadian Consortium for Human Security Электронный ресурс. URL: www.humansecuritybulletin.info. [Дата обращения: 12.04.2011]
23. United Nations Development Program (UNDP). Human Development Report 1994. New York: Oxford University Press. Overview: An agenda for the Social Summit, p. 23. [Электронный ресурс] http://hdr.undp.org/en/media/hdr_1994_en_overview.pdf [Дата обращения: 11.04.2011]
24. United Nations Trust Fund for Human Security Электронный ресурс. URL: <http://ochaonline.un.org> [Дата обращения: 10.04.2011]
25. Werthes S., Debiel. T. Human Security on Foreign Policy Agendas: Introduction to Changes, Concepts and Cases Human Security on Foreign Policy Agendas. Changes, Concepts and Cases. INFE report80/2006 ed. By Debel T., Werthes S. Institute for Development and Peace University of Duisberg-Essen. 2006.
26. White L. *The Science of Culture. A study of man and civilization*, Farrar, Straus and Company. New York. 1949. 423 p
27. Yamanoto T. Human Security – From Concept to Action: A Challenge for Japan. Proceedings of the International Conference Human Security in East Asia. Korean National Commission for UNESCO. Ilmin International Relations Institute of Korean University. 2004. Pp. 3-21.